

несовершенного и приблизительного, ибо человек, по словам апостола Павла, познает истину лишь как смутное и загадочное изображение в зеркале («*per speculum in aenigmate*») и только после конечного избавления, став лицом к лицу с богом («*facie ad faciem*»), получает возможность непосредственного созерцания божественной истины (1-е Послание к коринфянам, гл. 13, ст. 12). Далее, после рассуждений о смерти, которая «всую „подкопа“ дом сей телесный», ибо «цел и безбеден» остался «храм небесный» (т. е. душа), поэт обращается к гербу Варлаама Ясинского, на котором был изображен полумесяц и стрела с двумя звездочками:

Луну, рода моего знамение красно,
умирай, на себе изобразих ясно;
Идеже бо землю покровен бываю,
тамо, яко же луну, свет мой помрачаю.
На горé свет тройчнаго солнца безконечный
видящи, сам на себе прииму зрак солнечный.

Поэтика виршей на герб концептизируется. Простой дворянский герб осмысливается как символ восхождения от земной жизни, помрачающей даже отраженный лунный свет, к вечному свету солнца. Это восхождение поддерживается потоком библейских ассоциаций и мотивов (лествица Иакова) и культом Девы Марии (с отчетливым привкусом католицизма):

Слышах о Иакове, на камени спящем
и простерту до небес лествицу видящем...
... Вижду тя, о лествице, сведшую нам бога!
Доведи мя, Марие, горняго чертога.

Во втором разделе, названном «Символы», отображена деятельность Ясинского как пастыря и подвижника. Метафоризация опирается на привычную эмблематическую предметность, символизирует твердость духа и другие качества Варлаама:

Что звезда ест морская по морю плывущим,
то бог есть рабом верним, во бозе живущим...
... Молчит злато под млатом, разнствуя от меди,
подобне и Варлаам поношаше беды...
... Светлость свечи, проходя сквозе сосуд склянний
множится и болшия осязает страны.
Варлаам свет смерти ума чистотою
прием и зело того умножи собою.
И зри: светлость повсюду излия толику,
облиста всю Россию, Малу и Велику...

Прияв освобождающий «свет смерти», Варлаам становится «светочем» божественной премудрости, «облиста» Россию сиянием своей праведной жизни. Этот изысканный концептизм типичен для поэтики Стефана Яворского, создававшего в своих проповедях сложные словесно-аллегорические построения.¹⁵

¹⁵ А. А. Морозов. Метафора и аллегория у Стефана Яворского. — В кн.: Поэтика и стилистика русской литературы. Памяти академика Виктора Владимировича Виноградова. Л., 1971, стр. 35—44.